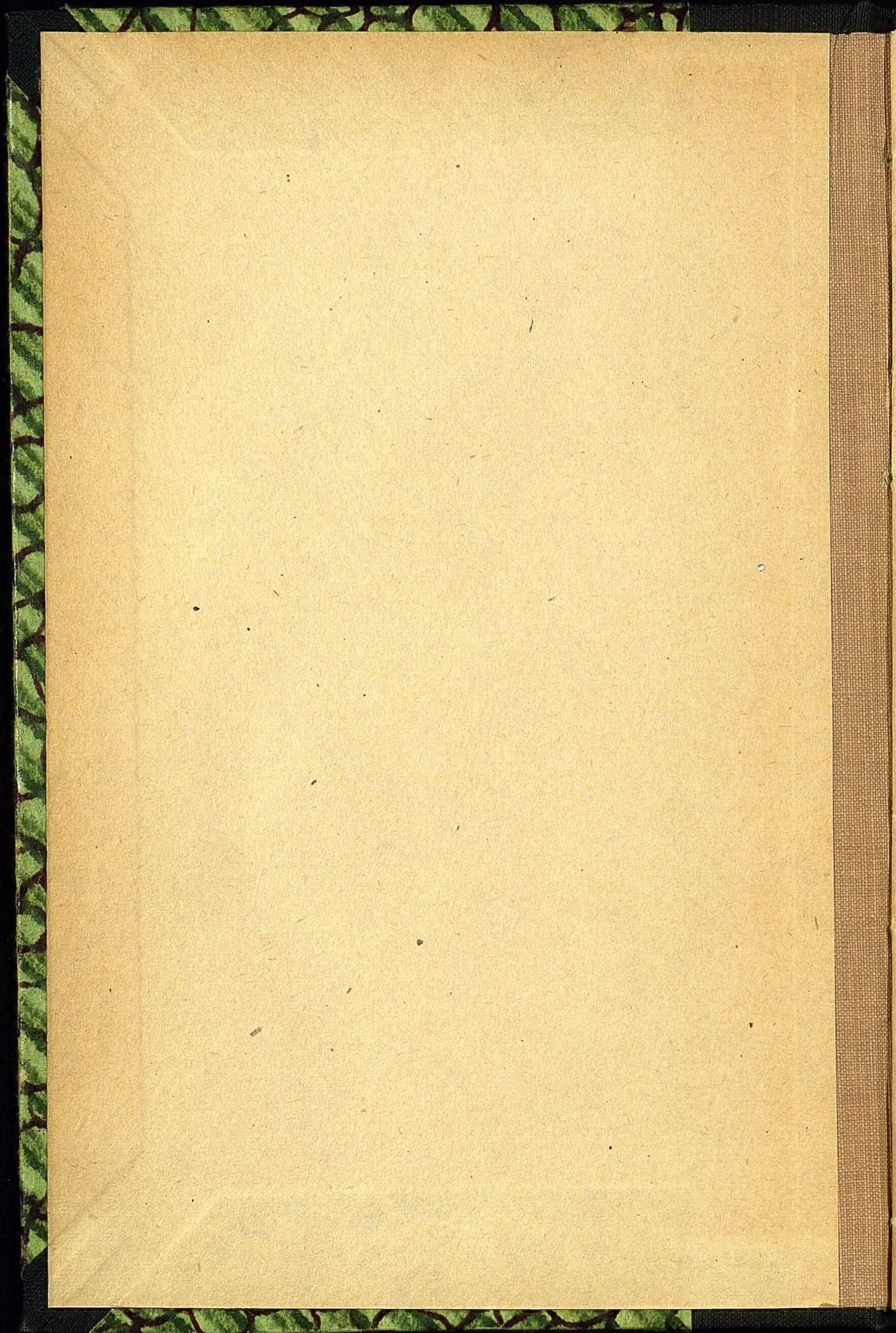
П. Мизиновъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ СТАТЬИ и РѢЧИ.

ВЫПУСКЪ I.

РЫБИНСКЪ.
Типо-Литографія Фалькъ, Больш. Казанская ул., соб. домъ.
1886.

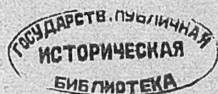
П. Мизиновъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ
СТАТЬИ и РѢЧИ.

ВЫПУСКЪ I.

РЫБИНСКЪ.
Типо-Литографія Фалькъ, Больш. Казанская ул., соб. домъ.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1886 года.

I.

СЛАВЯНСКІЕ ПРОСВѢТИТЕЛИ

IX вѣка.

Славянскiе просвѣтители IX вѣка.[1]

„Къто оубо возможеть достойноу похвалу ваю исповѣдати?“

(Изъ похвальнаго слова Свв. Кириллу и Меѳодiю)

I.

Печальными, неудачными были 60-е годы IX-го вѣка для народовъ Европы. 3-го Февраля 865 года, въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Германiи, на глазахъ одного изъ своихъ учениковъ, умеръ знаменитый апостолъ сѣвера, Ансгарiй. Народы сѣвера потеряли своего проповѣдника! По своему воспитанiю, по району своей миссiонерской дѣятельности, по характеру проповѣди это былъ истинный представитель западно-католическаго мiра: вся дѣятельность этого воспитанника Корбейскаго монастыря, основателя тамошней знаменитой библiотеки, протекла среди германскихъ племенъ, среди Саксовъ, Датчанъ и Шведовъ, подъ покровительствомъ Германскихъ Императоровъ этихъ истинныхъ наслѣдниковъ Западной Римской Имперiи.... Около этого-же времени, года 4 спустя послѣ смерти Ансгарiя, 14 Февраля 869 г., почти въ одно время съ тѣмъ, какъ сѣверъ хоронилъ знаменитаго своего апостола—просвѣтителя сѣвера, югъ

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ Рыбинской мужской гимназiи, 6 Апрѣля 1885 г., въ день празднованiя тысячелѣтiя со дня кончины св. Меѳодiя.

Европы собрался на похороны другаго миссіонера, но дѣйствовавшаго не такъ и не въ томъ духѣ, какъ дѣйствовалъ западно католическій проповѣдникъ. Этотъ новый миссіонеръ, по своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ принадлежалъ не западу, а югу Европы; онъ жилъ и воспитался подъ защитой не Германскихъ, а Византійскихъ Императоровъ; не среди германскихъ племенъ, а среди славянъ провелъ онъ свои миссіонерскіе годы; онъ былъ по своему образованію истымъ сыномъ Византіи IX вѣка; по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ былъ сторонникомъ греческой церкви, хотя и дѣйствовалъ въ предѣлахъ, подвѣдомственныхъ римскому епископу.... Этотъ миссіонеръ былъ одинъ изъ славянскихъ апостоловъ, философъ Кириллъ. Греки и Римляне, греческое и латинское духовенство, по приказанію папы, съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ проводили умершаго. Не стало на югѣ Европы великаго просвѣтителя!......

Жизнь и дѣятельность этого славянскаго апостола тѣсно связана съ именемъ другаго лица, умершаго не много позднѣе, брата Меѳодія. „Се, брате, говорилъ Кириллъ умирая: „вѣ супруга бяховѣ, едину бразду тяжащи“ (мы были два вола и шли по одной бороздѣ[1]). И дѣйствительно, оба брата шли по одной дорогѣ: вмѣстѣ они трудились надъ переводомъ славянскихъ книгъ, Псалтыря, Евангелія, Апостола[2]). вмѣстѣ уединялись они на Олимпѣ[3]), вмѣстѣ шли на

[1]) Сборникъ Погодина, 30 стр.
[2]) Ibidem, стр. 39.
[3]) Ibidem, 45 стр.

проповѣдь къ Казарамъ и въ славянскія земли[1]). По народной легендѣ мать закляла ихъ даже не разлучаться и послѣ смерти: „кто изъ васъ, говорила она, прежде придетъ на судъ (умретъ), тотъ „да принесетъ брата въ свой монастырь". Но, не смотря на ихъ совмѣстную дѣятельность, братья не во всемъ похожи другъ на друга. Первое, главное мѣсто изъ нихъ выпадаетъ на долю Кирилла. Св. Меѳодій отличается болѣе созерцательнымъ характеромъ: его тянетъ постоянно въ даль отъ міра, на гору, гдѣ собрались монашествующіе. И братъ его хорошо подмѣтилъ, по легендѣ, эти симпатіи Меѳодія: умирая въ Римѣ, онъ говоритъ ему: „ты любиши гору вельми, то не мози, горы ради оставити ученія своего." Видно, что въ головѣ умирающаго философа мелькнула мысль, что братъ оставитъ „ученіе", свою миссіонерскую дѣятельность и удалится на гору. И часто въ жизни Меѳодія проглядываетъ этотъ созерцательный идеалъ. Онъ „многа лѣта" занимаетъ „славянское княженіе", выдающійся постъ въ управленіи, но, какъ передаетъ его житіе „обрѣтъ время, избысть княженія и шедъ на Алимбъ (Олимпъ)," гдѣ жили св. отцы; здѣсь онъ облекся въ „черны ризы" и исполнялъ строго весь монашескій чинъ[2]). Онъ является за тѣмъ игуменомъ въ м. Полихронѣ[3]), въ миссіи къ Моравамъ онъ участвуетъ только, какъ сотрудникъ брата, „служитъ философу"[4]) и про того сказано, что онъ „взялъ" съ

---

[1]) Ibid, стр. 160.
[2]) Fontes rerum bohemicarum, 43 стр.
[3]) Ibid, 43 стр.
[4]) Fontes, 44 стр.

собой Меѳодія; по другой легендѣ, Кириллъ даже „умоляетъ“ Меѳодія идти съ нимъ къ Хозарамъ[1]).

Другаго нѣсколько характера философъ Кириллъ. Созерцательный идеалъ не чуждъ и его. По Паннонской легендѣ, онъ бѣжитъ изъ Константинополя и „скрыся отай въ монастырь“[2]); въ другой разъ онъ идетъ къ своему монаху-брату на Олимпъ.[3]) Но монашеская жизнь для Кирилла не на первомъ планѣ: онъ облекается въ иноческій образъ и принимаетъ имя Кирилла только въ концѣ своей жизни, когда, по легендѣ, уже находитъ, что онъ „ни царю слуга, ни кому иному.“[4]) Главное отличіе его отъ брата прекрасно характеризуется однимъ мѣстомъ его житія: житіе разсказываетъ, что императоръ, посылая братьевъ къ Хозарамъ, сказалъ при этомъ, что евреевъ „превозможетъ сій-же (Меѳодій) молитвою, а философъ словесы“, т. е. главная сила Меѳодія была въ молитвѣ, а Кирилла въ „словесахъ.“ И дѣйствительно, Кириллъ, рядомъ съ молитвою занятъ другимъ, „словесы,“ наукой. Это былъ блестящій представитель образованной Византіи IX вѣка. Всѣ разсказы о дѣтствѣ Кирилла рисуютъ въ немъ недюжинную, талантливую натуру „mirabile ingenium“ по выраженію латинской легенды. Въ дѣтствѣ мальчикъ, обладавшій „памятію и хитростію доброю,“ сидитъ надъ книгой и перечитываетъ Григорія Богослова; онъ упадаетъ къ ногамъ какого-то учителя и умоляетъ учить его

[1]) Fontes, 79 стр.
[2]) Fontes, 6 стр.
[3]) Fontes, 9, 11 стр.
[4]) Fontes, 36 стр.

„художеству громматійскому.“ Разъ—говоритъ легенда—онъ выходитъ съ ястребомъ на охоту, но вѣтеръ уноситъ птицу, и Кириллъ весь отдается книгѣ.[1]) Въ Константинополѣ, подъ руководствомъ Фотія и Льва, онъ проходитъ всѣ 7 ступеней начальнаго школьнаго образованія: грамматику, діалектику, реторику, ариѳметику, геометрію, астрономію и музыку; здѣсь, вѣроятно, онъ и познакомился съ искусствомъ краснорѣчія, которымъ послѣ поражалъ современниковъ; здѣсь и выработались тѣ „словеса“, которыя такъ необходимы были миссіонеру. Затѣмъ въ Константинополѣ же онъ является предъ нами учителемъ философіи;[2]) здѣсь-же ему предлагаютъ, по легендѣ, должность „стратига,“ но высшія административные посты не влекутъ къ себѣ Кирилла, и онъ отвѣчаетъ на предложеніе словами: „мнѣ болѣе ученія нѣсть ничтоже“;[3]) затѣмъ идетъ онъ къ брату на Олимпъ, но и тамъ сидитъ, „токмо съ книгами бесѣдуя.“[4]) И при каждомъ удобномъ случаѣ онъ продолжаетъ свое ученіе: въ Корсунѣ онъ учится еврейскому языку и книгамъ;[5]) послѣ, во время своей дѣятельности, онъ занимается составленіемъ азбуки, переводитъ съ греческаго книги св. писанія; здѣсь опять онъ въ своей сферѣ, опять среди той науки, съ которой сроднилась съ самаго дѣтства его талантливая натура. Самую миссіонерскую дѣятельность его можно назвать дѣятельностью про-

---

[1]) Кирилло-Меѳодіевскій сб., 11 стр.
[2]) Fontes, 6 стр.
[3]) Fontes, 5 стр.
[4]) Fontes, 11 стр.
[5]) Кир.-Меѳ. сб., 15 стр.

свѣтительною: онъ какъ поется въ ирмосѣ, весь отдался просвѣщенію „темныхъ.“ И не мудрено если къ Кириллу вездѣ и повсюду прилагаются самые лестные отзывы: церковныя пѣснопѣнія называютъ его „любомудрецъ;“[1]) про него поется въ тропарѣ: „отъ пеленъ прилежно премудрость сестру себѣ сотворивъ;“ представители науки въ новое время называютъ его человѣкомъ, получившимъ самое совершенное образованіе (Гильфердингъ), а исторія во всѣ вѣка знала его прозваніе „философъ,“ прозваніе, котораго не носитъ его братъ.

II.

Когда философъ Кириллъ, вмѣстѣ съ братомъ выступили на обширное поле своей исторической дѣятельности, въ Европѣ шелъ IX вѣкъ. Это былъ вѣкъ религіозныхъ вопросовъ, вѣкъ, въ которомъ замѣчается, въ цѣлой массѣ народовъ Европы, особенно на югѣ, какое-то сильное религіозное броженіе, ненасытное стремленіе къ новымъ религіознымъ идеаламъ, ломка старыхъ религіозныхъ традицій и созданіе на полуразрушенномъ старомъ новаго, болѣе прочнаго, основанія. Стоитъ попристальнѣе вглядѣться къ нѣсколькимъ сценамъ, которыя имѣли тогда мѣсто въ разныхъ углахъ Европы. На южныхъ берегахъ Россіи, въ предѣлахъ Хозарскаго царства, идетъ пропаганда іудейская и магометанская, и послы Хозаръ идутъ за религіей въ Константинополь. Среди

[1]) Кир.-Меѳ. сб., 247 стр.

славянъ снаряжаются посольства опять также для исканія новой вѣры и Коцелы, Ростиславы стремятся ко „всякой правдѣ;“ и къ „истинному пути;“[1]) болгарскіе послы являются на отдаленномъ западѣ, въ Реймсѣ, и просятъ прислать къ нимъ проповѣдниковъ христіанской вѣры[2]) Нѣкоторыя славянскія страны становятся пріютомъ массы проповѣдниковъ: „пришло къ намъ, писалъ Ростиславъ, много учителей, изъ Влахъ, изъ Грекъ, изъ Нѣмецъ и учатъ всѣ различно.“ Когда Людовикъ послалъ въ Болгарію проповѣдниковъ, оказалось, что страна уже полна ими.[3]) Подобное-же движеніе происходитъ и на сѣверѣ Европы: и тамъ шлются посольства, и тамъ идетъ дѣло проповѣди, и тамъ являются люди, которые, умирая дома, жалѣютъ, что имъ не удалось умереть на полѣ, среди варварскихъ народовъ, съ крестомъ и библіей въ рукахъ.

И такъ въ IX в. масса народовъ выходила на новую дорогу. Такое время бываетъ всегда труднымъ періодомъ народной жизни: старина, павшій кумиръ, тянутъ къ себѣ неудержимо человѣка, но въ тоже время ему рисуется свѣтлая, загадочная даль; въ массахъ происходитъ раздвоеніе; въ такія времена и разыгрываются тѣ сцены, которыя схвачены были лѣтописцами: матери язычницы плачутъ „какъ по мертвецахъ,“

---

[1]) «Fidem rectam, legis ordinem et viam veritatis» Fontes, 101 и 104 стр.

[2]) «Petentes, ut rex idoneos praedicatores ad cos mittere non differret», Соколовъ: «Исторія Болгаръ», 219 стр.

[3]) «Episcopi... totam terram pracdicando et baptizando jam tunc repleverant» Соколовъ, ibid.

по своихъ сыновьяхъ, которые перешли на новый путь; у загрубѣлаго язычника навертываются на глазахъ слезы, когда онъ смотритъ, какъ тащутъ, можетъ быть бывшіе его друзья, по волнамъ рѣки низверженнаго деревяннаго бога; въ такія-то эпохи и происходятъ трагическія сцены у священныхъ деревьевъ, которыя рубятъ проповѣдники.... Въ такія минуты народной жизни нужны бываютъ лица, которыя помогли-бы народу пробраться на новый путь, нужны бываютъ дѣятели, которыя съумѣли-бы сдѣлать переходъ отъ стараго къ новому, по возможности, менѣе рѣзкимъ, не отрывали-бы, по крайней мѣрѣ, народъ отъ его родной грамоты, отъ его старой, дѣдовской рѣчи; нужны бываютъ свѣтильники, которые, стоя при дорогѣ, освѣщали-бы торжественное народное шествіе.... Этими свѣтильниками и были для юга Европы двое братьевъ, апостолы всеславянскіе....

Съ радостію, во всеоружіи своей учености, выступилъ на свою историческую роль философъ Кириллъ вмѣстѣ съ братомъ. „Радъ, иду, и пѣшь, и босъ, и безъ всего“,—говоритъ онъ, по легендѣ, императору, когда тотъ прислалъ ему приглашеніе идти къ Хозарамъ. И всю жизнь свою братья просвѣтители посвятили себя трудной задачѣ: они обошли югъ Россіи, обошли славянскія придунайскія страны, учили, проповѣдывали, переводили, заставляли переводить другихъ, создавали азбуку... Философъ Кириллъ, иногда больной, „труденъ тѣломъ и боленъ,“ [1]) шелъ проповѣдывать. Трудно приходилось иногда братьямъ. „Какъ

---

[1]) Fontes, 27 стр.

вороны на соколовъ", нападали иногда на нихъ и „епископы, и черноризцы и попы,"[1]) клеветали на нихъ, обвиняли за переводъ св. книгъ на народный языкъ, тормозили такимъ образомъ дѣло религіозной проповѣди и дѣло цивилизаціи; „полтретья" года ($2^1/_2$) пришлось просидѣть св. Меѳодію въ „Швабахъ,"[2]) И приходилось проповѣдникамъ доказывать, что „солнце равно свѣтитъ всѣмъ, дождь идетъ „ровно на вся, воздухомъ равно дышутъ всѣ"... Трудна была работа и при переводѣ св. книгъ; много пришлось трудиться и самимъ и сажать за переводъ писцевъ.[3]) Каждый день съ братомъ своимъ,—разсказываетъ одна изъ легендъ, Кириллъ обходилъ и грады и веси въ Моравіи.[4]) Но особенно трудна была задача составленія азбуки: она требовала всесторонняго образованія. Но братья трудились и, говоря словами „Похвалы Кириллу и Меѳодію", не укрылось ни одного мѣста, его-же не освяти стопами своими."[5]) Они освятили и освѣтили историческій путь славянскимъ народамъ, и Македонія, Болгарія, Моравія, Чехія даже Польша и Лужицкіе Сербы и Русь воспользовались трудами просвѣтителей.

И западъ и востокъ воздали въ свое время подобающія почести апостоламъ. При жизни своей они пользовались большимъ уваженіемъ въ Константинополѣ и у императора, и у патріарха; послѣдніе слали за ними потому что „ни кто другой не могъ вы-

---

[1]) Кир.-Меѳ. сб., 24 стр.
[2]) Fontes, 51 стр.
[3]) Кир.-Меѳ. сб., 38 стр.
[4]) «Perlustrabat vicos et oppida», Fontes, 102 стр.
[5]) Fontes. 55 стр.

полнить дѣла."[1]) Имъ даютъ „подарки" (munera) и въ средѣ просвѣщенныхъ народовъ; „дары многи" предлагаетъ имъ Хозарскій каганъ; „радостію веліею" радовались ихъ приходу и въ земляхъ славянскихъ; „съ почетомъ и радостію"[2]) встрѣчали ихъ; „съ великою честью" принимали Меѳодія въ Панноніи.[3]) И радости эти понятны.... Просвѣщенные народы радовались ихъ приходу, такъ какъ вся дѣятельность ихъ посвящена была имъ, двое братьевъ облегчили ихъ въ многотрудную минуту исторической жизни. Въ Константинополѣ рады были, потому что они служили проводниками христіанства и политическаго могущества Византіи и, каждый разъ какъ проповѣдники возвращались въ столицу, за ними шелъ цѣлый рядъ возвращенныхъ плѣнныхъ. Но даже и западъ почтилъ проповѣдниковъ „радовался радостію веліею" папа ихъ приходу въ Римъ. Римскій епископъ часто былъ другомъ апостоловъ востока: со свѣчами, въ сопровожденіи Римлянъ, онъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу; онъ хранитъ славянскія книги ихъ, онъ приказываетъ пѣть литургію въ церкви св. Петра на славянскомъ языкѣ; онъ, по нѣкоторымъ разсказамъ, предаетъ проклятію враговъ Кирилла и пишетъ въ Моравію, что „будетъ отлученъ всякій, гадя книги языка вашего" (славянскаго); онъ велитъ освободить Меѳодія и считаетъ его правовѣрующимъ.[4]) На первый взглядъ такое отношеніе римскаго епископа къ апостоламъ кажется стран-

[1]) Fontes, 11 стр.
[2]) Honorifice et cum ingenti laetitia, Fontes, 97 стр.
[3]) Fontes, 46 стр.
[4]) illum... orthodoxum reperientes, К.-М. сб.. 37 стр.

нымъ, потому что братья тѣсно связаны были съ востокомъ: они переводили Мартирологій съ греческаго, они перевели апракосное Евангеліе, они допустили службу на славянскомъ языкѣ. „Удивлялся Папа, какъ они смѣли часы пѣть на народномъ языкѣ по славянски,“ говоритъ одна изъ латинскихъ легендъ.[1]) Вотъ каково-бы должно быть, на первый взглядъ, отношеніе папы къ апостоламъ. Но на дѣлѣ другое. Дѣло въ томъ, что славянскіе первоучители дѣйствовали еще въ то время, когда церкви не раздѣлились, догматическія разногласія едва еще начинали находить себѣ формулу;[2]) это было время препреканій, время, которое заставило одного Парижскаго епископа съ горечью сказать: „грекамъ кажется, что солнце свѣтитъ только на востокѣ, а у насъ вездѣ мракъ.“ Но до окончательнаго раздѣла церквей еще не доставало 200 лѣтъ; еще папа Іоаннъ исповѣдывалъ тогда ученіе о Св. Духѣ по восточному догмату[3]) и въ письмѣ къ патріарху Фотію находятся знаменитыя слова римскаго епископа: „да будетъ съ Іудою тотъ, кто прибавитъ къ символу слова объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына.“ И не удивительно поэтому, если Римъ преклонился предъ славянскими апостолами. Можетъ быть тутъ играли роль и соображенія чисто политическаго характера, стремленія Рима поддержать свое вліяніе въ новопросвѣщенныхъ земляхъ....

---

[1]) Mirabatur, quod ausi fuissent horas canonicas in slavonico psallendo statuere idiomate.

[2]) Гильфердингъ, въ К.-М. сб., 202 стр.

[3]) Кир.-Миѳ. сб., 54 стр.

III.

Но наконецъ апостоловъ не стало. Въ 869 году умеръ Кириллъ, „какъ волъ упалъ на бороздѣ,“ по его собственнымъ словамъ („азъ на лѣсѣ падаю, своя дни скончавъ“), въ 885 году не стало и Меѳодія: въ Цвѣтную недѣлю въ Моравіи пропѣли и надъ другимъ братомъ службу на латинскомъ, греческомъ и славянскомъ языкахъ.... Похоронили братьевъ и забыты были ихъ имена....

На первыхъ порахъ забыть было трудно: слишкомъ рѣзко выдѣлялась ихъ дѣятельность; живы были ученики ихъ, которые и поддерживали память о просвѣтителяхъ. День и ночь свѣтятся неугасимыя лампады надъ гробомъ Кирилла въ Римѣ;[1]) ходятъ туда ученики его и поютъ пѣснопѣнія; Болгаринъ Климентъ беретъ себѣ за образецъ Меѳодія; епископъ Константинъ говоритъ про себя, что онъ идетъ „по слѣду учителю, имени его и дѣлу послѣдуя;“ Храбръ пишетъ апологію дѣла Кирилла и Меѳодія; художники римскіе на фрескахъ изображаютъ дѣянія двухъ учителей;[2]) среди народовъ славянскихъ и западныхъ ходитъ масса легендъ о дѣятельности апостоловъ; легенды пишутся и на славянскомъ, и на латинскомъ и на греческомъ языкахъ. Все какъ видно, дышетъ воспоминаніями о просвѣтителяхъ. Нерѣдко на первыхъ порахъ мы наталкиваемся на такого рода сцену: сидитъ какой нибудь изъ восторженныхъ почитателей

---

[1]) Fontes, 38 стр.

[2]) Славянск. сборникъ, 1884, Ноябрь.

апостоловъ и философствуетъ на ту тему, что Богъ часто избираетъ „отъ многомятежнаго житія сего“ учителей и посылаетъ ихъ роду человѣческому, и что въ числѣ такихъ избранныхъ были и апостолы. И дѣлаетъ почитатель богоугодное дѣло: пишетъ житіе иногда одного, иногда о двухъ братьевъ и думаетъ, что это писаніе придаетъ читателю „бодрости,“ даетъ ему возможность уклониться отъ „лѣности;“ въ житіи своемъ онъ описываетъ все: какъ приснился сонъ маленькому Кириллу, какъ онъ учился, какъ проповѣдывалъ, какъ „безъ порока“ онъ читалъ самарянскія книги, какъ прочиталъ надпись на одной чашѣ въ Константинополѣ и т. д. Иной, написавши житіе, закончитъ его возваніемъ къ апостоламъ, чтобы „молитвами своими“ призрѣли родъ человѣческій; третій пишетъ похвальное слово кому нибудь изъ братьевъ и заканчиваетъ его словами: „помолися за ны, преподобный и учителю!“ Четвертый жизнеописатель, кончивъ трудъ, запишетъ отъ себя про апостоловъ, что они отдали Богу души, оставивши послѣ себя потомкамъ примѣръ святой жизни.[1]) Слышалъ иногда благочестивый составитель „житія,“ что болгарскому царю Борису рисовалъ картину страшнаго суда Меѳодій, и думалъ наивно, что этотъ живописецъ и былъ его любимый апостолъ. Такъ было на западѣ. Но и у насъ въ древней Руси, хорошо помнили апостоловъ: древне русскій писецъ сохранилъ намъ не мало памятниковъ объ Кириллѣ и Меѳодіи; русскій лѣтописецъ занесъ

---

[1]) Sancta exempla post se relinquentes posteris usque ad hodiernum diem...

память объ нихъ на свои страницы; сильно жалѣлъ онъ, что эти апостолы не были въ его родномъ Кіевѣ, ему хотѣлось-бы этого и вотъ онъ заставляетъ въ своей лѣтописи являться къ Владиміру философа Кирилла. Переписчикъ Палеи поглядывалъ иногда въ житія апостоловъ; писатель азбучниковъ помѣщалъ иногда отрывки изъ нихъ въ своемъ трудѣ. Но не только словомъ и произведеніемъ художества помнили первые преемники апостоловъ: учители были причислены къ лику Святыхъ, церковь „вельми“ праздновала въ день памяти ихъ; народы держались и боролись за дѣло братьевъ, славянскую службу, противъ „треязычниковъ.“

Но шли вѣка, шла впередъ и исторія. И голоса первосвятителей звучали все глуше и глуше, ихъ лики блѣднѣли все болѣе и болѣе... Произошло раздѣленіе церквей, и западъ разошелся въ основаніяхъ съ просвѣтителями славянъ, и преемники Николая уже не чтили завѣтовъ великихъ учителей. Славянская семья заброшенная среди неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, отказалась на дѣлѣ отъ многаго, чему учили апостолы. Воскреснетъ иногда память объ нихъ; но снова звуки Кирилловской проповѣди заглохнутъ подъ пепломъ костра Гусса или Іеронима Пражскаго. Греки преслѣдовали даже хуже запада языкъ славянскій. Въ нашей древней Руси только и среди небольшой части славянъ остались слѣды апостоловъ; и въ церквахъ постоянно слышны были звуки, напоминавшіе объ Кириллѣ и Меѳодіи. Но и наша Русь, на практикѣ остававшаяся вѣрной апостоламъ, потеряла объ нихъ воспоминаніе. И это понятно, эти ве-

ликіе учители не были ея родными сынами; они дѣйствовали гдѣ-то далеко, на югѣ, среди грековъ, среди славянъ, съ которыми у насъ часто шла борьба. Съ другой стороны ихъ образы заслонены были дѣятелями, чисто русскими и потому болѣе близкими; народъ пѣлъ о князьяхъ, царяхъ и богатыряхъ, но никогда онъ не пѣлъ о славянскихъ апостолахъ; Владиміры, Сергіи, Леонтіи стали на первомъ планѣ и заслонили собою двухъ братьевъ. Вотъ интересный фактъ, подтверждающій послѣднее.

Въ одномъ изъ заволжскихъ монастырей (Кирилло-Бѣлозерскомъ) въ концѣ сороковыхъ годовъ этого столѣтія, найденъ былъ одинъ старинный сборникъ, гдѣ между прочимъ была статейка: „О грамотахъ различныхъ,“ написанная вѣроятно какимъ нибудь досужимъ монахомъ (большая часть статьи взята изъ Храбра.[1]) Интересно очень какъ этотъ человѣкъ говоря о разныхъ азбукахъ, отнесется къ философу Кириллу. Вотъ многознаменательныя слова досужаго составителя: „Кириллу философу съподобляше многажды его братъ, Меѳодій или грамоту складывати, или азбуку составляти, или книги переводити; Стефану-же (т. е. Пермскому) никто-же обретеся помощникъ, развѣ только Господь Богъ нашъ прибѣжище и сила.“ И такъ нашъ русскій книжникъ не забылъ Кирилла, но Стефанъ Пермскій, заслонилъ у него славянскаго апостола, трудъ его оцѣненъ былъ выше Кириллова.

[1]) Поѣздка Шевырева въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Найденная Шевыревымъ статья вѣроятно, принадлежитъ Епифанію (Ср. Ключевскій: житія святыхъ, 94 стр.)

Въ XII в. у насъ существуетъ еще особая служба Кириллу, но послѣ ея уже нѣтъ. Въ русской жизни создавались другіе интересы: собирали государство, боролись за національныя традиціи, рубили окна въ Европу и за этой работой некогда было заниматься прошлымъ; русскій человѣкъ не могъ возвыситься до философскаго пониманія, своей прошедшей и настоящей жизни и не вспоминалъ о первоначальномъ источникѣ своего просвѣщенія. И въ концѣ концовъ дѣло дошло до слѣдующаго.

Въ памятникѣ XVII в., Синопсисѣ Гизеля, есть одна глава, изъ которой видно, что въ то время интересовались вопросомъ о происхожденіи азбуки: это маленькая глава „о семь, когда Росси письмена знати начаша.“ Въ этой главѣ только и есть слѣдующія строки объ азбукѣ: Кесарь римскій послалъ въ „знаменіе своего пріятельства“ къ славянамъ „литери, сирѣчь словеса азбучная, А, Б, В и прочая, яже въ то время отъ греческаго писанія ново бяху измышленна ради славяновъ.“[1]) И такъ ни слова объ апостолахъ! Въ первой половинѣ 18-го столѣтія путешествуетъ по святымъ мѣстамъ нашъ паломникъ Барскій, одинъ изъ образованныхъ людей своего времени. Много странъ пришлось пройти ему, много удалось видѣть и записать. Между прочимъ онъ былъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя связываются съ именами великихъ братьевъ. Вѣроятно, путешественникъ, обращавшій особенное вниманіе на положеніе славянъ, вспомнилъ объ апостолахъ, когда былъ въ Солуни и на Олимпѣ? Онъ

[1]) Синопсисъ, 9 стр.

записалъ о знаменитомъ „Селуньстѣмъ городѣ,“ что это „градъ пресловутый,“ что онъ „стоитъ на берегу морскомъ,“ на „положенiи добромъ и веселомъ,“ что онъ „огражденъ 4-хъ угольною каменною стѣною,“ что „дома у него старинные, строенiя древняго и нелѣпаго,“ что городъ торговый... но больше не добавилъ ничего.[1]) Ни какихъ воспоминанiй не пробудилось въ душѣ путешественника, при видѣ старинныхъ „нелѣпыхъ“ строенiй! Видѣлъ затѣмъ Барскiй и Олимпъ, мѣстопребыванiе братьевъ славянскихъ, и опять эта „высокая широкая, много имущая снѣга,“ гора не навѣяла на него ни какихъ мыслей о прошломъ; только и записалъ онъ объ ней, что тамъ „многiе иноки обитаютъ.“ А между тѣмъ этотъ путешественникъ при описанiи Ефеса, занесъ въ свою книгу извѣстiе, что храмъ Дiаны сожженъ былъ Геростратомъ въ день рожденiя Александра Македонскаго![2])

Такъ далеки были отъ русскихъ людей славянскiе апостолы!

IV.

Наступилъ XIX вѣкъ, вѣкъ возрожденiя разныхъ нацiональностей Европы: народы вернулись къ прошлому, къ тому, что было когда-то, но, казалось заглохло на вѣки. Началось возрожденiе народныхъ, нацiональныхъ преданiй и снова выдвинулись изъ глу-

[1]) Путешествiе Барскаго, 1785 г. 159 стр.
[2]) Путешествiе Барскаго; 489 стр.

бокаго мрака лики апостоловъ славянства, снова вспомнили объ этихъ великихъ средневѣковыхъ просвѣтителяхъ.

Поэтамъ востока сталъ припоминаться философъ Кириллъ, и они рисуютъ картину, гдѣ

Въ старой одеждѣ Св. Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ...

Славяне начинаютъ мечтать о томъ, что было время, когда они жили общею жизнью и у нихъ были общіе историческіе дѣятели:

Подъ тѣ-же пѣсни мы росли
И про Дунай, и про Сварога,
Одни апостолы вели
Насъ къ свѣту истиннаго Бога...

Раздались русскіе голоса: „мы равнодушны къ памяти первоучителей славянскаго племени;“[1]) начали жаловаться, что имена ихъ у насъ представляются не иначе, какъ сквозь библіотечную пыль и ученый туманъ.“[2]) Представители русской науки жалуются, что наши русскіе памятники, касающіеся апостоловъ, оцѣнены на западѣ, а не у насъ,[3]) что дѣло Кирилла и Меѳодія безвѣстно читающему большинству русскому;[4]) среди русскихъ историковъ заявляется мнѣніе, что нашу исторію мы должны начинать съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ.[5])

---

[1]) Гильфердингъ, К.-М. сб., 201 стр.
[2]) Ibid.
[3]) Викторовъ, К.-М. сб., 358 стр.
[4]) Безсоновъ въ К.-М. сб., 449 стр.
[5]) Окружное посланіе Погодина.

Мысли, пожеланія начинаютъ осуществляться. Являются научные труды по исторіи славянскихъ первоучителей, выступаютъ на сцену Бодянскіе, Горскіе, Невоструевы и др. Изъ области науки движеніе переходитъ въ дѣйствительную жизнь. Оно идетъ сначала слабо; вспомнятъ о славянскихъ апостолахъ только мелькомъ, при какомъ нибудь другомъ торжественномъ случаѣ.[1]) Но чѣмъ далѣе, тѣмъ воспоминаніе пробуждается сильнѣе. Въ 1862 г. торжественно празднуютъ память первоучителей, и участники торжествъ съ гордостью заявляютъ, что „мы первые возобновляемъ празднованіе"[2]) Торжество это 62 года пріятно поразило въ свое время сторонниковъ самобытнаго славянскаго развитія: радостно становилось у нихъ въ душѣ, когда подъ древними сводами Успенскаго собора въ первый разъ раздалось пѣніе: „Святіи равноапостольніи Меѳодіе и Кирилле, молите Бога о насъ!.."

Празднество повторяется послѣ, хотя и въ отдѣльныхъ кружкахъ, все чаще и чаще. Создается снова когда-то забытая, служба просвѣтителямъ...

Рядомъ съ этимъ пробужденіемъ мысли на востокѣ Европы, идетъ пробужденіе и на западѣ. И тамъ поэты начинаютъ припоминать о Кириллѣ и Меѳодіи;[3]) съ неопреодолимыми трудностями разработывается тамъ исторія Кирилла и Меѳодія, издаются памятники, относящіеся къ нимъ; составляются службы, строятся церкви, распространяются образа и медальоны, производятъ археологическія разысканія на мѣстахъ дѣ-

---

[1]) Столѣтняя годовщина московскаго университета.

[2]) Рѣчь Сергіевскаго, К.-М. сб. 537 стр.

[3]) Голый въ Мадуницахъ и его Кирилло-Меѳодіада 1835 г.

ятельности апостоловъ; праздникъ ихъ причисляется къ „festus primae classis“...

На востокѣ и западѣ вспомнили такимъ образомъ о великихъ историческихъ лицахъ IX вѣка. Но торжество еще не было полнымъ до нынѣшняго года. По крайней мѣрѣ на востокѣ, многіе были неудовлетворены. „Желательно было-бы, говорилъ у насъ одинъ славянофилъ въ 60-хъ годахъ,—чтобы празднованіе установилось во всей Россіи отъ Успенскаго собора до сельской церкви въ самомъ глухомъ захолустьѣ“... Это почти исполнилось теперь. Теперь только...

Лики забытыхъ святителей ярко,
Какъ въ старые годы, во храмѣ блестятъ.
Собрались народы съ молитвою жаркой,
Лампады зажглися, и свѣчи горятъ.

И какъ 1000 лѣтъ тому назадъ, представители восточнаго и западнаго міра сходились у гроба философа, такъ и теперь они снова сходятся въ чествованіи великихъ братьевъ. Только время наложило особый отпечатокъ на нынѣшнее торжество: десять вѣковъ измѣнили многое; каждый міръ теперь по своему, съ разными мыслями и надеждами отправляетъ праздникъ. Это обще-европейское торжество—многознаменательный фактъ для историка: здѣсь важно то, что Европа не забыла нравственнаго принципа отдавать должное сошедшему со сцены историческому лицу. „Намъ, возлюбленіи, должно есть благочестивыхъ своихъ отецъ изрядныя дѣла воспоминати,“ гласитъ одно старинное русское произведеніе. Нынѣшнимъ праздникомъ Европа и выполнила этотъ нравственный завѣтъ,

о которомъ говорилъ и мечталъ старый русскій книжникъ, выполнила тѣмъ, что

Вспомнили братьевъ великихъ народы
Ихъ жизнь, и страданья и трудъ...

П. Мизиновъ.

II.

КУЛИКОВСКАЯ ПОБѢДА.

Куликовская побѣда.*)

Вы курганы, курганы сѣдые,
Насыпные курганы степные!
Вы надъ кѣмъ, подгорюнившись, стонете,
Чьи вы бѣлыя кости хороните?
Разскажите, какъ русскую силу
Клала русская удаль въ могилу....

Предки наши имѣли очень печальныя свѣдѣнія о восточныхъ народностяхъ: они знали только, что отъ пучины Ефіопской до ледяныхъ горъ „Лукуморья“ живетъ много народовъ, — и только! Но имъ пришлось въ первый разъ, на дѣлѣ познакомиться съ однимъ изъ этихъ народовъ, когда появились татары. Лѣтописецъ записалъ объ нихъ: „приидоша языцы незнаемы“ „безбожные Моавитяне, рекоми татарове, ихъ-же добрѣ ясно никтоже не свѣсть, кто суть и откуду приидоша, и что языкъ ихъ и котораго племени суть.“ Русскому человѣку представлялось, что этотъ неизвѣстный народъ посланъ провидѣніемъ „ради грѣховъ нашихъ,“ какъ выражались тогда. Митрополитъ Іона напр. пишетъ епископу Тверскому, что нашествіе татаръ совершилось „по нашимъ грѣхамъ по христіанскимъ;“ татарское нашествіе, говорили лѣтописцы, „бысть намъ за грѣхи наши.“ „Бысть нахожденіе без-

*) Рѣчь, произнесенная въ Брянской прогимназіи въ день пятисотълѣтняго юбилея со дня Куликовской битвы.

божныхъ татаръ на землю русскую гнѣвомъ Божіимъ за умноженіе грѣховъ нашихъ“—говорятъ тѣ-же лѣтописи. Грѣховнымъ состояніемъ благочестивые наши предки объясняли и всѣ свои неудачи въ битвахъ съ татарами. „Отъ насъ Господь силу отня, и недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша,“—такъ было записано въ лѣтописи подъ 1237 годомъ. Нѣкоторые даже старались точнѣе опредѣлить, за какія именно грѣхи совершенъ былъ татарскій погромъ, и пришли къ тому заключенію, что „беззаконія“ русскихъ были слѣдующія: „сребролюбная зависть,“ „междоусобная брань,“ „мерзкая нечистота, волхвованныя коби и иные грѣхи.“ Современники татарскаго нашествія до такой степени были напуганы, что имъ рисовалась даже кончина міра, которая вообще у многихъ народовъ связывается съ какими нибудь земными бѣдствіями: „премудрые мужи,“ разумѣющіе книги, думали, что татары есть ни что иное, какъ „поганые Азійскіе народы, которыхъ Гедеонъ загналъ въ конецъ земли и которымъ суждено явиться при кончинѣ міра.“ (Основаніе этого мнѣнія: слово Меѳодія Патарскаго). Но въ то же время у русскихъ современниковъ проскользнуло и радостное чувство: имъ пріятно было видѣть разбитіе исконныхъ враговъ ихъ, Половцевъ: „много бо Половцы сотвориша русской землѣ зла,“ говорили лѣтописцы; древне-русскому человѣку казалось, что „всемилостивый Богъ“ именно и призвалъ татаръ ради гибели половцевъ, „хотя погубити безбожные сыны измаиловы.“ Нашествіе монголовъ до такой степени поразило русскихъ, что они событіе это обставили разными сверхъ

естественными явленіями: именно подъ 1237 г., записано въ лѣтописи: „бысть знаменіе въ солнци: тьма бысть въ солнци съ запада, аки мѣсяцъ бысть 5 ночей, а съ востока свѣтло.“ Или другое извѣстіе: „явися звѣзда на западѣ и бѣ отъ нея луча не вражакъ человѣкомъ и бѣ величествомъ паче всѣхъ звѣздъ;“ наконецъ современники записали извѣстія о засухахъ, о пожарахъ: „бѣ ведро вельми и мнози борове и болота загорахуся.“

Такимъ образомъ отчасти съ недоумѣніемъ, съ печалью, отчасти, впрочемъ, и съ радостію, наконецъ съ какимъ-то страхомъ и полнѣйшей безнадежностью на будущее встрѣтили русскіе нашествіе татаръ. Народная пѣсня представила это нашествіе въ такомъ видѣ:

Не спала млада, не дремала,
Только видѣла, вcповидала:
Со восточной сторонушки
Подымалась туча грозная
Со громами, со молоньями,
Съ частыми со дождями
Со крупными со градами....

Сила бури, по народной пѣснѣ,

Съ теремовъ верхи поломала,
Съ молодцевъ шляпы посрывала.

И дѣйствительно, татары были „грозной тучей.“ Повальная рѣзня взятыхъ мѣстностей, постоянное разореніе земли—вотъ первый спутникъ Монголовъ. Въ лѣтописяхъ только и читаемъ:

1) „Безбожные татарове поплѣниша землю Болгарскую и градъ ихъ великій взяша и изсѣкоша вся жены и дѣти, а иныхъ въ полонъ взяша.“

2) Про взятіе Рязани сказано: „весь городъ пожгожа, емше мужъ, жены и дѣти и чернецы и черницы, иныя вязаху, овыхъ разсѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху и въ огнь вметаху; черницамъ и попадьямъ и женамъ добрымъ и дѣвицамъ поруганія много чиняху;“ Костромская лѣтопись про взятіе Рязани говоритъ, что поле битвы было въ полномъ смыслѣ слова устлано мертвецами: „не бѣ стонущаго, ни плачущагося, но вси вкупе мертвы лежащи.“

3) О взятіи Суздаля: „людей, старые и молодые чернецы и черницы, и слѣпые, и хромые и глухіе,—всѣхъ изсѣкоша, а прочіе люди и жены и дѣти босы и безкровные, издыхающимъ имъ отъ мраза.“

4) Про Торжокъ сказано: „изсѣкоша вси отъ мужска полу и до женска“.... На пути къ Новгороду татары „вси люди сѣкуще, аки траву.“

5) Въ 1281 г. татары опустошили Переяславль. Въ 1325 году „много тяготы бысть землѣ Тверской.“ Въ 1327 году „Тверь, Кашинъ, Новгородскую область пусту сотвориша.“

6) Самая лучшая картина опустошенія—это картина разгромленной Москвы: прежде этотъ городъ былъ „великъ и чуденъ, и много людей въ немъ и всякаго узорочія;“ но онъ вдругъ измѣнился послѣ взятія татарами: „въ томъ часѣ измѣнися, егда взятъ бысть: не видѣти иного ничего-же, развіе дымъ и земля и трупіе мертвыхъ многихъ лежаща, церкви святыя запалены быша.“

Вотъ въ какомъ положеніи была Россія при нашествіи татаръ. Если въ лѣтописяхъ и встрѣчаются фразы, въ родѣ слѣдующихъ: подъ 1254 г.—„добро

бѣяше христіаномъ;“ подъ 1260 г. — „бысть тишина великая христіаномъ,“ — то это вовсе не указываетъ на хорошую сторону татарскаго нашествія; напротивъ лѣтописецъ заносилъ свои замѣчанія о тишинѣ потому, что „тишина велія“ была рѣдкость въ то время, лѣтописецъ счелъ необходимостью замѣтить объ этомъ, выдѣлить это въ своихъ запискахъ. Нужно сказать при этомъ, что разореніе касалось преимущественно сельскаго населенія, потому что Россія была преимущественно страна земледѣльческая, и село и деревня не могли дать такого отпора, какъ городъ. Объ татарахъ говорится обыкновенно: „волости и села воююще и жгуще; монастыреве и села пожгоша.“

Народная память сохранила слѣды татарскаго нашествія. Обыкновенная тема русскихъ народныхъ пѣсенъ — это татарскій полонъ; это второе зло послѣ разоренія. Пѣсни иногда очень поэтично выражаютъ всю наболѣвшую скорбь русскаго человѣка. Иногда въ пѣснѣ выводится дѣвушка, которая плачетъ о родинѣ:

Предъ татариномъ стоитъ красная дѣвка,
Она плачетъ и возрыдаетъ,
Къ Окѣ рѣкѣ причитаетъ,
А татарина увѣщаетъ:
Ой, ты, гой еси, злой татаринъ,
Отпусти меня въ русскую землю
Къ отцу, матери на свиданье,
Къ роду, племени на плаканье....

Въ другой пѣснѣ также выведена полонянка. Татаринъ ее увѣщаетъ:

Не плачь ты, дѣвка,
Не плачь ты, красна,

Русская полонянка!
Сошьемъ тебѣ, дѣвкѣ,
Шубку татарску,
Шапку литовску,
Сапогъ по московски!

Но дѣвушка отказывается отъ этого и только проситъ:

Надо мнѣ, дѣвкѣ,
Надо мнѣ, красной,
На Русь побывати.

Въ Архангельской губ. недавно очень, а можетъ быть и до сихъ поръ, поется пѣсня о русской полонянкѣ, княгинѣ Марьѣ. Пѣсня во всѣхъ отношеніяхъ полна поэзіи. Княгинѣ привидѣлся сонъ, будто разбился ея обручальный перстень; это, по объясненію ея, обозначало, что ее увезутъ за „сини моря, за соленыя." И ее, дѣйствительно, увезъ, „Батышъ царь Батурьевичъ." Любопытенъ въ пѣснѣ ея плачъ въ плѣну: она жалуется, что теперь на Руси:

Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія
И голи кабацкія,
А я сижу у окошечка,
Проливаю слезы горькія....

По одному варіанту, она опоила приставленныхъ нянекъ и ушла. Она проситъ рѣку пропустить ее на Русь:

Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите меня, Марью Юрьевну!...
И рѣка Марьи послушалась....

На другой рѣкѣ попалась ей „колода бѣлодубо-

вая.“ Марья ей обѣщала:

Выйду на святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелкіе кресты!
И колода ее послушалась:
Марья прошла на Русь.

Въ сказкѣ о Новгородцѣ Анкундинѣ и князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ описывается плачъ одной матери о своей дочери:

Воротись ты, моя лебедь бѣлая,
Ко своему ко родимому ко батюшкѣ,
Ты взойди, взойди въ свой теремъ изукрашенный,
Ты взойди, взойди въ палаты бѣлокаменныя....

Въ то же время подруги полонянки „слезно плачутъ возрыдаютъ:“

Поднимись ты, туча грозная, по поднебесью
Ты заслони, туча грозная, путь дороженку
Злу татарину въ золоту орду!
Ты взойди, взойди туча грозная,
Возгрянь громова стрѣла
Да въ того-ли зла татарина, бесерменина.

Въ этой пѣснѣ-сказкѣ обрисовано также и положеніе полонянки: „злой старый татарченокъ велитъ плѣнницѣ поить, кормить его, качать прибаюкивать, стеречь его бѣлояраго коня,“ не велитъ „долго спать“ „цвѣтное платье носить,“ не велитъ „русу косу носить,“ не велитъ „родимую сторонушку вспоминать,“ а приказываетъ „отца съ матерью забыть.“

Въ колыбельной пѣснѣ, которая начинается такъ:

Спи, усни, мое дитятко,
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ....

Твоя матушка полоняночка,
Твой батюшка полоняночекъ,

юноша „сѣдлаетъ коня воронаго, скачетъ въ золоту орду и вывозитъ оттуда отца, мать, жену въ теремъ изукрашенный.“ Другая пѣсня поетъ:

Не вода въ городъ понахлынула,
Злые татары понаѣхали,
Какъ меня молоду въ полонъ берутъ....

Такимъ образомъ главная тема пѣсенъ русскихъ это полонъ, полянка. Третій спутникъ татарскаго нашествія—это поборы татаръ, которые иногда были причиною экономическаго разоренія, подобно упомянутому выше грабежу, разоренію городовъ. Въ лѣтописяхъ записано такое извѣстіе: въ 1255 году „пріѣхаша численницы отъ татаръ и сочтоша всю землю русскую и поставиша десятники, сотники, тысячники; только не чтоша игуменовъ, поповъ и чернецовъ и кто служитъ святымъ церквамъ.“ Въ русскихъ былинахъ и пѣсняхъ не пропущены и поборы. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи поется пѣсня про Василія Казимировича: здѣсь Владиміръ (историческій анахронизмъ) посылаетъ его:

Везти дани, везти пошлины
Въ большую орду, заоданскую,
Везти 12 ясныхъ соколовъ,
Везти 12 бѣлыхъ кречетовъ,
Везти мису чиста золота,
Везти мису чиста серебра,
Мису скатна жемчуга....

По этой пѣснѣ Батый заставляетъ играть его „въ тавлеи, во вальящеты“ (въ рѣзныя шашки или шах-

маты); Василій Казимировичъ обыгралъ татаръ и уѣхалъ съ товарищами:

Не дали ребята ни дани, ни пошлины,
Уѣзжали ребята въ стальный Кіевъ-градъ....

По другому варіанту, Батый отказывается отъ даней „отъ выходовъ княженецкіихъ." Про Щелкана, сборщика даней, пѣсня также помнитъ: „младъ Щелканъ."

Беретъ со князей по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У кого денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ,
У кого жены нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Есть еще пѣсня:

На горѣ, горѣ крутой
Огни горятъ да свѣтлые;
На тѣхъ огняхъ, на свѣтлыхъ,
Котлы кипятъ да кипучіе;
Вокругъ огней да свѣтлыхъ
Сидятъ татары да все злые,
Сидятъ, дѣлятъ животы
Твоего отца да родимаго.

О поборахъ татаръ упоминается и въ грамотахъ: тамъ есть баскаки, князи, „полководные князи, заставщики, данщики, писцы, мимоѣздящіе послы, сокольники, пардусники".... Часть русскихъ богатствъ шла всѣмъ этимъ лицамъ или собиралась ими. Пода-

ти татарскія были: 1) тамга, 2) поплужное, 3) ямъ, 4) подводы, 5) мытъ; 6) мостовщина. Иногда брали татары подчиненныхъ на службу: напр. иногда русскіе должны были исполнять обязанность сторожей. Счастливѣе другихъ было одно духовенство. Объ немъ дошло до насъ нѣсколько ярлыковъ, въ которыхъ обыкновенно говорится: „тамги, поплужное, ямъ, подводы, кормъ, церковныя земли, воды, огороды, винограды, мельницы, лѣтовища, да не замаютъ", людей церковныхъ да не замаютъ ни на что ни на работу, ни на сторожу; запрещено было брать иконы и книги „да не емлютъ, не издерутъ, не испортятъ." Въ ярлыкѣ 1313 г. даже сказано: „что возьмутъ, да отдадутъ назадъ третицей." Церковные люди „ремесленники, писцы, каменные здатели или деревянные,"—не брались на работу къ татарамъ. Но все это можно сказать только относительно одного духовенства....

Общая характеристика состоянія Руси при татарахъ, какъ по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, такъ и по народнымъ разсказамъ чрезвычайно не привлекательна. „Праотцы наши, говоритъ одинъ изслѣдователь русской исторіи, наполнили преданія своего времени какою-то грустью, безнадежностью, какимъ-то отчаяніемъ, какимъ-то ужасомъ." Степенная книга такъ рисуетъ состояніе Руси при татарахъ: „повѣсть о бѣдствіи нашемъ могла-бы подвинуть на плачъ и стенаніе не только людей и скотовъ, но самые камни безчувственные. Великое зло сотворилось русской землѣ: матери обезчадѣли; чертожницы были влачимы и водимы, какъ рабы, дѣвы поруганы; жены боярскія, ни когда не касавшіеся работному дѣлу руками своими и

прежде многими работами повелѣвавшія, преклоняли выю свою игу тяжкаго труда, мололи жерновами, топили печи, ходили къ источнику съ черпаломъ, носили воду для господъ своихъ, стояли за ихъ трапезою и мели ихъ храмину. Прежде гордыя, теперь онѣ согбены были работою и смиреніемъ; прежде златыми монетами и дорогими одеждами онѣ красовались, теперь были голодны, босы, облечены въ лоскутья." Не мудрено поэтому, что былина заставляетъ князя Владиміра при нашествіи татаръ, въ знакъ печали, „надѣвать платье цѣнное, цѣнное платье печальное," „потому что въ Кіевѣ не хорошо учинилося." Даже самая природа какъ будто плакала вмѣстѣ съ страдавшимъ русскимъ народомъ; по словамъ „Повѣсти умильной о нашествіи злочестиваго царя Батыя", садовыя древеса, вся боры и дубровы, вмѣсто рыданія и плача, вѣтьми повѣвающе (шумѣли,) листвіе отъ себя опущаху." По словамъ лѣтописца, при татарахъ „русскіе были всяческими бѣдами томимы; многообразными страстьми осквернены." Въ Тамбовской и Воронежской губ., крестьяне разсказываютъ о Батыѣ: онъ шелъ, сожигалъ всякое жилье человѣческое, истребилъ всѣ лѣса и травы на 100 верстъ въ ширину, а въ длину сквозь всю русскую землю; гдѣ шли его полчища, какъ муравьи, тамъ не осталось ни одного звѣря, ни одной птицы; рыба подохла въ рѣкахъ, земля избита была копытами и не заростала 100 годовъ. Противъ тропы на землѣ, гдѣ шелъ Батый, на небѣ выступила „Батева дорога," (млечный путь). Лѣтописецъ, составляя свои записки, иногда невольно плакалъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. „Кто, братіе, о семъ не по-

плачется?"—писалъ онъ о разореніи татаръ. „Кто, отцы и братіе и дѣти, видѣвше божіе попущеніе по всей русской землѣ, не восплачется?"—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Лѣтописецъ иногда заставляетъ плакать о родинѣ и тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ пишетъ; напр. князь Юрій плачетъ у него: „охъ мнѣ, Владыко! нынѣ что ради остахъ азъ единъ." Лѣтописецъ нарочно и составлялъ свои записки, чтобы русскіе не забыли горя его современниковъ, особенно князей: „памяти ради русскихъ князей и бѣды, яже бысть имъ отъ татаръ." И замѣчательно еще: не смотря на все сдѣланное зло, въ былинѣ встрѣчается такое выраженіе:

Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина,—

это заповѣдь отца, которую даетъ онъ сыну. Здѣсь замѣчательная забывчивость обидъ, замѣчательная гуманность...

Личность татарскихъ завоевателей вообще представлялась русскимъ въ очень темныхъ краскахъ. Русскому человѣку они представлялись въ образѣ змѣя: напр. богатырь Добрыня освобождаетъ плѣнниковъ отъ змѣя—татарина; управленіе татаръ рисуется такъ: татаринъ

Умѣетъ вдовы безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надъ всѣми надругатися,
Надъ домами надсмѣхатися.

Самые татарскіе ханы представлены тоже не съ особенно хорошей стороны. Въ лѣтописяхъ говорится про хановъ, „что они поганые цари," что ханъ „самъ и его пособники зрятъ во дно адово, гдѣ имутъ нас-

лѣдовати огонь неугасимый и тьму кромѣшную.“ Въ народной пѣснѣ, на стулѣ золотомъ, на бархатѣ, на камкѣ сидитъ царь:

Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ,
По бритымъ тѣмъ плѣшамъ,
По татарскимъ головамъ.

Личность Батыя представлена кровожадной:

Я Кіевъ городъ выжгу, вырублю,
Божьи церкви съ дымомъ пущу,
Князя со княгиней въ полонъ возьму,
А князей, бояръ въ котлѣ сварю.

По другой пѣснѣ онъ говоритъ:

Божьи церкви на дымъ пущу,
Чудны иконы поплавь рѣки,
Добрыхъ молодцевъ полоню станицами,
Красныхъ дѣвушекъ плѣнницами,
Добрыхъ коней табунами.

Это представленіе согласно вполнѣ съ лѣтописями, гдѣ напр. говорится: „церкви соборныя разграбиша, олтаря святая попраша, кресты и иконы чудныя одраша.“ Напротивъ, борцы за вѣру и народъ были выставлены въ свѣтлыхъ краскамъ. Борющихся предки наши сравнивали съ „великомучениками,“ „тіи за святіи Божіи церкви и за все православное христіанство пострадавше, яко-же прежнія великомученицы Христови будутъ и вѣнецъ мученія пріимутъ отъ Христа.“ О борющихся говорили, что „они пролитіемъ своея крови, омыютъ отъ души скверну своихъ согрѣшеній.“ Такъ говорилъ одинъ митрополитъ. Объ борцахъ за

родину у народа сложились всевозможныя сказанья: надъ тѣломъ замученнаго Михаила Черниговскаго „столпъ огнемъ явися;“ столбъ этотъ сіялъ пресвѣтлыми зарями; надъ тѣломъ Михаила Ярославича тверскаго было „чудо преславно: всю ночь стояли 2 облака свѣтла; они сходились и расходились одинъ отъ другаго и сіяли, какъ солнце.“ Лѣтописцы наши особенно останавливаются въ своихъ запискахъ на смерти русскихъ мучениковъ. Преданія объ нихъ перешли и въ пѣсни; въ Тульской губ. поется напр. пѣсня о Михаилѣ, о его смерти: онъ, по словамъ пѣсни, въ полонъ попалъ:

Какъ ни мучали, ни били, души его не выняли....

Напротивъ, измѣнники русскіе остались въ памяти народа съ самымъ позорнымъ именемъ: вотъ напр. какъ прозванъ Олегъ Рязанскій: „льстивый сотонщикъ, дьяволь совѣтникъ; поборникъ бесерменскій, душегубный Олегъ;“ бояринъ Олега прозванъ „Антихристовъ предтеча.“

Изъ всего предъидущаго видно, какое вліяніе оказало на насъ нашествіе Монголовъ: Монголы встревожили русскихъ, разорили города, повально избивали всѣхъ, уводили въ полонъ, налагали поборы на русскія области. Съ такимъ разрушительнымъ характеромъ они являются во всѣхъ русскихъ памятникахъ, какъ въ лѣтописяхъ съ одной стороны, такъ и въ народныхъ сказаніяхъ съ другой. Но этого мало: нашествіе Монголовъ затронуло не однихъ насъ, а коснулось и вообще всей Европы. Во первыхъ оно сильно перетревожило папъ. Въ 1253 г. Иннокентій IV пишетъ письмо къ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сер-

біи и Помераніи; онъ совѣтуетъ всѣмъ воспользоваться уходомъ татаръ и „не полагаться на воображаемую безопасность," онъ совѣтуетъ переговорить объ этомъ съ русскимъ княземъ и приготовиться къ борьбѣ,— „иначе — говоритъ посланіе — заразительный натискъ проникнетъ и къ другимъ христіанамъ." „Пусть каждый вѣрующій послѣдуетъ за крестомъ,"—такими словами папа приглашаетъ всѣхъ къ крестовому походу. Онъ даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ кто будетъ участвовать въ походѣ. Въ 1254 г., со стороны папы былъ кличъ со всѣмъ епископамъ Ливаніи, Эстоніи и Пруссіи; всѣ они приглашались проповѣдывать крестовый походъ; „вы—говоритъ папа—проповѣдуйте сами и черезъ другихъ указаннымъ землямъ о крестовомъ походѣ" (dictis terris verbum crucis per vos et alios ad hoc idoneos praedicantes). Въ награду за походъ папа давалъ то же самое, чѣмъ награждались странствующіе въ Іерусалимъ паломники: „мы—пишетъ онъ—дадимъ крестоносцамъ ту-же награду, которая назначена соборомъ путешественникамъ во святую землю" (illas immunitates assumentibus crucem ejusmodi concessuri, qaae transfretantibus in terram sanctam subsidium in generali consilio sunt concessae). На Ліонскомъ соборѣ 1260 г., Папа предавалъ проклятію всѣхъ, кто не хочетъ идти въ походъ противъ Монголовъ. Государи западной Европы не меньше заботились о своей судьбѣ: напр. Фридрихъ, врагъ Папы, мечтаетъ о какой-то всеобщей коалиціи противъ татаръ: ему хочется собрать въ одно всѣ европейскія государства противъ татаръ: и „пылкая къ войнѣ Германія, воинственная, отважная Испанія, доблестная, богатая флотомъ Англія, полная

отважныхъ воиновъ Германія, сильная на морѣ Дакія, непокорная Италія, незнакомая съ миромъ Бургундія, безпокойная Апулія," (furens ac fervens ad arma Germania, bellicosa et audax Hispania, virtuosa viris et classe munita Anglia, impetuosis bellatoribus referta Allemania, navalis Dacia, Indomita Italia, pacis ignara Burgundia, inquieta Apulia), всѣ эти страны, по плану Фридриха, должны были соединиться; онъ даже не прочь присоединить къ себѣ и морскихъ пиратовъ Средиземнаго моря. Благочестивый Людовикъ IX, бывшій въ то время на престолѣ Франціи, безпокоился не менѣе Фридриха: онъ велитъ по государству вездѣ служить молебны, говорить проповѣди, не велитъ клясться напрасно именемъ божіимъ и именами его святыхъ, не велитъ раскошничать въ одеждѣ и т. д.; этимъ онъ хочетъ спасти Францію отъ божьяго гнѣва. Даже въ отдаленномъ уголкѣ Европы, Англіи, татары навели страхъ: напр. въ 1238 г., при берегахъ Англій прекращена была сельдяная ловля. Къ татарамъ отправлялись даже Европейскія посольства: въ 1245 году— Плано Карпини, въ 1247 г. Асцелинъ, въ 1249 и въ 1253 гг., Лонджумель и Рубруквисъ. Если прибавить къ этому гибель польскихъ полковъ въ 1241 г., сожженіе Кракова, битву подъ Лигницемъ, осаду Пешта и Бреславля, опустошеніе Сербіи, Трансильваніи и Молдавіи, то будетъ ясно, что нашествіе татаръ касалось, дѣйствительно, Европы и интересовало ее. Побѣжденныя страны воспѣты были Европейскими поэтами: одинъ каноникъ напр. составилъ Miserabile carmen (умильную повѣсть) seu Historia super destructione regni Hungarici. О Монголахъ составлялись въ Евро-

нѣ разные разсказы: говорили напр. что предъ ихъ войсками, въ видѣ апокалепсическихъ змѣй, шли три духа (spiritus discordiae, incredulitatis et timoris): духъ раздора, невѣрія и страха.

Этотъ страхъ Европы предъ татарами очень любопытенъ, особенно когда взглянешь на своевременное положеніе этого грознаго народа: теперь слава татаръ только живетъ въ исторіи, а на дѣлѣ ея не существуетъ. Грозные европейскіе завоеватели теперь попадаютъ по улицамъ нашимъ, продаютъ халаты, „мѣняютъ товаръ на товаръ;“ они слывутъ хорошими, честными, трезвыми работниками на волжскихъ баржахъ и... только! „Напрасно - говоритъ одинъ историкъ —наблюдатель станетъ спрашивать у безсмысленныхъ потомковъ Чингисъ-Хана о грозѣ, силѣ и могуществѣ ихъ предковъ.“ Славу татаръ пережили только однѣ легенды: иногда только бѣдный Бурятъ или Калмыкъ, разсказывая дѣтямъ сказки, упоминаетъ о Чингисханѣ; иногда гдѣ нибудь на низовьяхъ Волги разскажутъ вамъ, что тѣнь Темучина является и воетъ бурей на его могилѣ... Вотъ и вся теперешняя слава прежнихъ грозныхъ завоевателей!

Теперь, кажется, понятнымъ становится значеніе той битвы, которую мы празднуемъ сегодня,—битвы на Куликовомъ полѣ. Татары перетревожили всю Европу; ихъ опустошенія, грабежи людей и имущества тяжело легли на массу русскаго народа; о судьбѣ родины плакали князья, лѣтописцы; заунывнымъ чѣмъ-то вѣетъ и отъ пѣсенъ татарскаго періода; въ поэтическихъ картинныхъ образахъ представила поэзія это унылое состояніе цѣлаго народа; она заставила при-

роду плакать вмѣстѣ съ побѣжденными: „мать стѣна городовая“ въ Кіевѣ представлена была въ видѣ плачущей дѣвушки:

Она вѣдала невзгодушку великую...

поетъ пѣсня: „Мать сыра земля хотѣла погнутися и поколебатися;“ быстрый Днѣпръ, воспѣтый въ пѣсняхъ, одинъ хотѣлъ стать на борьбу съ нагрянувшей саранчей (такъ лѣтописцы называли татаръ), но и тотъ не выдержалъ „помутился,“ „видя гибель народа православнаго.“ По Тамбовскому сказанью—при нашествіи татаръ разбѣжались звѣри, подохла рыба, земля на 100 лѣтъ не давала растеній. По народнымъ сказаньямъ, проваливались цѣлые города, только чтобы не подпасть татарамъ. Таково напр. Нижегородское преданіе о подземномъ городѣ Кидежѣ. По народному преданію городъ провалился: этотъ чудный городъ—говоритъ преданіе—доселѣ стоитъ невидимъ со всѣми церквами и монастырями; населеніе въ немъ живетъ старинною благочестивою жизнію; въ опредѣленные дни раздается звонъ колоколовъ; сидя на берегу озера, благочестивый человѣкъ слышитъ его.

Рабское подчиненіе русскихъ Монголамъ нельзя оправдать ни съ какой точки зрѣнія. Если взять цивилизующій Римъ и завоеванныя имъ области, то сочувствіе будетъ скорѣе на сторонѣ побѣдителя: водопроводы, развалины разныхъ сооруженій, дороги, находимыя въ разныхъ мѣстностяхъ Европы—все это указываетъ, что мечъ Рима вносилъ цивилизацію; историкъ въ данномъ случаѣ долженъ сочувствовать завоеваніямъ Рима. Цивилизаторскія завоеванія сѣвероамериканцевъ въ степяхъ Америки также находятъ

себѣ оправданіе въ глазахъ исторіи; точно также сочуствіемъ можетъ пользоваться и завоевательная политика англичанъ въ Индіи. Но эта мѣра не приложима къ татарамъ: ничего цивилизующаго ими не было внесено въ русскую жизнь: это были, по словамъ лѣтописи, не болѣе, какъ „кровопролійцы." Нѣкоторые историки думаютъ, что татарское иго было исторической необходимостью, что „сей періодъ былъ необходимъ, чтобы, переживъ оный, Русь явилась самобытнымъ государствомъ." Но въ данномъ случаѣ лучше согласиться съ мнѣніемъ одного писателя XVIII вѣка: „унизительно для человѣческой природы, если варвары покоряютъ почти все полушаріе." Къ татарамъ въ данномъ случаѣ прекрасно можно приложить тѣ слова, которыя, по преданію, имъ сказалъ замученный Василько Константиновичъ: „многи есте безъ правды побѣдили души"... Дѣйствительно, завоеваніе Монголовъ было завоеваніемъ „безъ правды"...

Понятно, что всякое сопротивленіе татарамъ, борьба съ ними, естественно, вызоветъ чувство симпатіи къ борющимся: борьба противъ повальнаго грабежа, („такой свирѣпости не было отъ крещенія," говорятъ наши лѣтописи), борьба противъ злоупотребленій надъ родиною (стоитъ вспомнить татарскій полонъ),—вызываетъ полное сочуствіе... Такимъ сочуствіемъ должна пользоваться и Куликовская битва. Это была битва за родное село, за городъ, за уведенныхъ въ полонъ женщинъ и мужчинъ. Она не освободила, правда, отъ татаръ, потому что напр. и Дмитрій черезъ 8 лѣтъ послѣ нея пишетъ въ договорной грамотѣ: „а оже ны Богъ избавитъ, освободитъ отъ орды;" и послѣ Куликовской

битвы опять явилась „звѣзда нѣкая, акы хвостатая и акы копейнымъ образомъ, овогда-же въ вечерней зарѣ являшеся, то многажды бываше“ .. Такимъ образомъ, къ несчастію, владычество татаръ не прекратилось, но все таки Куликовская битва была шагомъ къ освобожденію и спасала отъ ордъ Азіи европейскую цивилизацію. Если уже Пруссаки праздновали недавно побѣду подъ Седаномъ, то русскимъ непростительно забывать свою, гораздо лучшую и болѣе полезную борьбу съ варварами. Не даромъ народъ помнитъ Куликовскую битву. Старики былинщики пропѣли уже о ней вездѣ и повсюду. Въ народныхъ былинахъ имя Куликова поля стоитъ рядомъ съ Ильей Муромцемъ; Ермакъ по народнымъ преданіямъ тоже участвуетъ въ этой битвѣ; онъ подъѣзжаетъ къ Кіеву, гдѣ и „посписываетъ“ татарскую силу... Преданіе связало съ Куликовымъ полемъ имя Александра Невскаго. Свв. Борисъ и Глѣбъ, по преданію, также связываются съ Куликовской битвой; наконецъ ее не рѣдко можно встрѣтить и на размалеванныхъ лубочныхъ картинахъ; Куликово поле, по народному преданію, есть мѣсто казни богатырей; наконецъ о Куликовской битвѣ существуетъ масса повѣстей въ древне-русской литературѣ... И все это не даромъ: народъ отдалъ этимъ должное, „воздалъ—по выраженію одного памятника, хвалу русской землѣ;“ своими пѣснями, сказаніями онъ и прославилъ погибшихъ у тихаго Дона русскихъ людей,—бившихся за свое національное достояніе и за блага обще-Европейской цивилизаціи.

П. Мизиновъ.

